

В. Г. Белинский

История государства Российского, сочинение Н. М. Карамзина

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 5. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1842 -- ноябрь 1843.

Редактор тома М. Я. Поляков. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья С. И. Машинского.

Примечания Г. Г. Елизаветиной.

М., "Художественная литература", 1979.

[OCR Бычков М. Н.](#)

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО, сочинение Н. М. Карамзина. Издание пятое в трех книгах(,) заключающих в себе двенадцать томов, с полными примечаниями, украшенное портретом автора, гравированным на стали в Лондоне. Издание И. Эйнерлинга. Книга III. (Томы IX, X, XI и XII). Санкт-Петербург. В тип. Эдуарда Праца. 1843. В 8-ю д. л., в две колонны, 280, 166, 184, 200, 183, 86, 84, 147 и XLVII стр.

Карамзин воздвигнул своему имени прочный памятник "Историю государства Российского", хотя и успел довести ее только до избрания на царство дома Романовых. Как всякий важный подвиг ума и деятельности, исторический труд Карамзина приобрел себе и безусловных, восторженных хвалителей и безусловных порицателей. Разумеется, те и другие равно далеки от истины, которая в середине. Для Карамзина уже настало потомство, которое, будучи чуждо личных пристрастий, судит ближе к истине. Главная заслуга Карамзина как историка России состоит совсем не в том, что он написал истинную историю России, а в том, что он создал *возможность в будущем* истинной истории России. Были и до Карамзина опыты написать историю, но тем не менее для русских история их отечества оставалась тайною, о которой так или сяк толковали одни ученые и литераторы. Карамзин открыл целому обществу русскому, что у него есть отечество, которое имеет историю, и что история его отечества должна быть для него интересна, и знание ее не только полезно, но и необходимо. Подвиг великий! И Карамзин совершил его не столько в качестве исторического, сколько в качестве превосходного беллетрического таланта. В его живом и искусном *литературном* рассказе вся Русь прочла историю своего отечества и в первый раз получила о ней понятие. С той только минуты сделались возможными и изучение русской истории и ученая разработка ее материалов; ибо только с той минуты русская история сделалась живым и всеобщим интересом. Повторяем: великое это дело совершил Карамзин преимущественно своим превосходным беллетрическим талантом. Карамзин вполне обладал редкою в его время способностью говорить с обществом языком общества, а не книги. Бывшие до него историки России не были известны России, потому что прочесть их историю могло только одно испытанное школьное терпение. Они были плохи, но их не бранили. История Карамзина, напротив, возбудила против себя жестокую полемику. Эта полемика особенно устремляется на собственно историческую, или фактическую часть труда Карамзина. Большая часть указаний критиков дельна и справедлива; но укоризненный тон их делает вреда больше самим критикам, нежели Карамзину. Труд его должно рассматривать не безусловно, а принимая в соображение разные временные обстоятельства. Карамзин, воздвигая здание своей истории, был не только зодчим, но и каменщиком, подобно Аристотелю Фиоравенти, который, воздвигая в Москве Успенский собор, в то же время учил чернорабочих обжигать кирпичи и растворять известь. И потому фактические ошибки в истории Карамзина должно замечать для пользы русской истории, а обвинять его за них не должно. Гораздо важнее разбор его понятий об истории вообще и взгляд его на историю России в частности, равно как и манера его повествовать. Но и здесь должно брать в соображение временные обстоятельства: Карамзин смотрел на историю в духе своего времени -- как на поэму, писанную прозою. Заняв у писателей XVIII века их литературную манеру изложения, он был чужд их критического, отрицающего направления. Поэтому он сомневался как историк только в достоверности некоторых фактов; но нисколько не сомневался в том, что Русь была государством еще при Рюрике, что Новгород был республикою, на манер карфагенской, и что с Иоанна III-го Россия является государством, столь органическим и исполненным самобытного, богатого внутреннего содержания, что реформа Петра Великого скорее кажется возбуждающею соболезнование, чем восторг, удивление и благодарность. В одном месте своих сочинений Карамзин ставит в вину Сумарокову, что тот в трагедиях, "называя героев своих именами древних князей русских, не думал соображать свойства, дела и язык их с характером времени"¹. И что же? такой же упрек можно сделать самому Карамзину: герои его истории отчасти